

УДК 327

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

А. Дононбаев

Раскрываются особенности действия глобальных и региональных тенденций развития международных отношений. Дается развернутый анализ их взаимодействия в контексте современных мировых трендов.

Ключевые слова: глобализация; регионализация; международные отношения.

**GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION
OF INTERNATIONAL RELATIONS: METHODOLOGICAL ASPECT**

A. Dononbaev

It describes the characteristic effects of global and regional trends in the development of international relationships. It provides a detailed analysis of their interaction in context of modern world trends.

Key words: globalization; regionalization; international relations.

В современной литературе используется ряд понятий, таких как “глобализация”, “глобализм”, “глобальность”, “глокализация” и т. д. *Глокализация* понимается как противоположный глобализации процесс регионализации. Термин *глобализация* чаще всего трактуется как втягивание всего мира в открытую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших коммуникационных и информационных технологий.

Под *глобальностью* понимается то, что мы давно уже живем в мировом обществе, в том смысле, что представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию. Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга. В данном контексте можно сказать, что в мире возникла новая география¹ – целостность, определяемая не столько совокупностью физических просторов, сколько возможностью синхронного мониторинга событий в различных точках планеты в режиме реального времени. А также способностью цивилизации к оперативной проекции властных решений в масштабе всей планеты. Отмечается, что образно говоря, время “евклидовой геометрии” в мировой политике закончилось. Пришла пора куда более сложных и много-

мерных международных политических уравнений, причем их многие переменные и по сей день окончательно не определены.

Отличие глобализма от глобализации видно из следующей формулировки: “*Глобализм* редуцирует новую сложность глобальности и глобализации к одному – экономическому измерению, которое к тому же мыслится линейно как непрерывное расширение всякого рода зависимости от мирового рынка”. Парадоксально, но факт: на смену одной разновидности экономизма в виде односторонне и вульгарно понятого марксизма спешит другая его разновидность, на этот раз *неолиберально-глобалистская*.

В этой связи У. Бек справедливо указывает на отчетливо проявившуюся опасность экономизма в мышлении – далеко не нового явления, которое ныне выступает под вывеской “глобального экономизма”. Все остальные измерения – экологическая глобализация, культурная глобализация, полицентрическая политика, возникновение транснациональных пространств и идентичностей – тематизируются (если это вообще делается) только в предположении о доминировании экономической глобализации². Глобальный экономизм распространился на

¹ См.: Неклесса А.И. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. 2000. № 6.

² Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 209.

все сферы жизни и, что особенно опасно, на сферу практической политики. Именно поэтому становится актуальным лозунг: “Мы за рыночную экономику, но против рыночного общества!”

Прежде всего, речь идет о том, что глобализация имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных корпораций (ТНК) и подчиняется их властным возможностям, их ориентации и идентичности. В этой связи Вестфальская международная система наций-государств, оставаясь как бы действующей моделью международных отношений, все больше и больше подвергается серьезным деформациям.

Ряд ученых предвещает, что XXI столетие станет веком противоборства двух мощных сил: национальной бюрократии (и всего, что за нею стоит) и международной экономической среды с ее институтами – ТНК, международными экономическими организациями, не имеющими национальной “прописки”. Переход значительной части контроля над национальной экономикой к ТНК и международным организациям, у которых свои, нередко противоположные интересам суверенных государств цели, превращается в болезненную проблему. Например, в стремлении экономить на заработной плате ТНК перемещают промышленное производство в развивающиеся государства, осложняя тем самым проблему занятости в промышленно развитых странах и вызывая конфликты, связанные с утратой рабочих мест.

Безграничный рынок систематически подрывает основы демократии, навязывая обществу свои законы, против которых бессильны как институты, так и граждане. Растущее неравенство разрушает социальный и политический контракт, а также моральные устои, лежащие в основе демократического общества, что создает условия для развития мафиозной экономики и политики. Построенный на нерегулируемой конкуренции глобальный мир, как показало прошедшее десятилетие, по-видимому, не избежит цивилизационного раскола.

Пропасть между теми, кто успел модернизироваться, и теми, кому еще только предстоит адаптироваться к процессу глобализации, растет. Все это усугубляет ситуацию “глобальной неопределенности” и представляет немалую угрозу для существования полноценной демократии не только в развивающихся, но и в развитых странах, усиливая тенденцию к выхолащиванию демократических институтов, к превращению их в простую ширму, за которой скрываются бюрократические и неоимперские структуры, сплетающиеся с мафиозными структурами.

Итак, современная глобализация, развертывающаяся на наших глазах, имеет сложную природу

и происхождение. У нее есть свои авторы и субъекты – транснациональные корпорации, агенты и структуры финансового капитала, наиболее крупные компании в сфере информационного бизнеса, средств массовой информации и т. п. Процессы глобализации носят одновременно и планомерный, и стихийный (как и рынок, и капитализм, который их породил) характер. Глобализация не может также существовать без регулирования, но возникает и развивается она вовсе не только по чьему-то злему умыслу, а, прежде всего, в результате действия множества сил, причем часто за спиной тех многочисленных агентов, которые ее порождают и поддерживают.

Таким образом, было бы неправомерно исходить из широко распространенного ныне взгляда на глобализацию как сознательно осуществляемый кем-то проект, предполагающий действия определенных лиц и институтов, обусловленные поставленной целью. Это предположение опровергается теорией мирового общества риска, которая говорит о невозможности дальнейшей экстернализации побочных последствий и опасностей, являющихся следствием высокоразвитых индустриальных обществ. Будучи конфликтами риска, они ставят под сомнение всю институциональную структуру. Благодаря этому возникает понимание, что транснациональные социальные пространства могут загадочным, чреватых многочисленными конфликтами образом создаваться “за спиной людей” как следствие *нежелательных, оспариваемых, вытесняемых угроз*.

К числу преимуществ и одновременно издержек глобализации относится резкое обострение международной конкуренции. Сейчас конкуренция развертывается не только и не столько между отдельными государствами, сколько между отдельными регионами. Дело в том, что переход к региональной интеграции государств, являясь вообще-то знаменем времени, диктуется сложившейся ныне мировой торгово-экономической конъюнктурой. История международных торгово-экономических связей, по мнению крупного американского ученого П.Ф. Дракера, последовательно прошла три этапа: комплиментарный, конкурентный и сопернический¹. Конечно же, следуя тезису П.Ф. Дракера, можно сказать, что одни торгово-экономические условия существовали, скажем, между той же Англией и Индией в “комплиментарную” эпоху. Со всем другие условия сложились в “конкурентную”, а тем более “соперническую” эпохи. “Соперническая эпоха”, которая доминирует в торгово-экономических отношениях в настоящее время, создает такую мировую обстановку, при которой передо-

¹ См.: Дракер П.Ф. Новые реальности. М., 1994. С. 190.

вые страны производят товары качеством выше, а ценой ниже, нежели продукция, вырабатываемая в развивающихся странах. В результате последние лишаются реальных шансов конкурировать как на чужих, так и на собственных рынках.

Выходит, что время одиночек закончилось. *Мы вступили в эпоху, когда конкурируют, находясь внутри какой-то команды.* Так же, как в футболе и баскетболе, уровень организации команды позволяет опережать соперников. Причем совокупная мощь команды превращается в первостепенный фактор успешного продвижения вперед.

Сегодня меняется сама идеология международной экономической интеграции – региональные организации, ранее концентрировавшиеся на сближении национальных хозяйств стран-участниц, сами становятся игроками на глобальном экономическом пространстве, а интеграция все больше подразумевает интегрирование региона в мировое хозяйство. Экономическая регионализация – сравнительно новый процесс, возникший в международных отношениях после Второй мировой войны. Под ним можно понимать образование и развитие экономических объединений между географически близкими государствами. В основе подобных группировок лежат соглашения преференциального характера.

Региональные интеграционные процессы все больше определяются не только внутрирегиональными факторами, но и растущими под воздействием глобализации требованиями внешней среды, усиливающейся международной конкуренцией. Сегодня почти все крупные государства в той или иной степени стремятся к формированию региональных коалиций. Это неоднозначно отражается на процессе глобализации. Региональная интеграция может рассматриваться не только как подготовительный этап к глобальной интеграции, но и как альтернатива глобализации.

В. Леонтьев во второй половине XX столетия насчитал в мире 15 регионов (включая Японию и Океанию). А. Рагман ныне видит только три таких образования: НАФТА, Восточная Азия и ЕС. Вместе с тем на начало 2002 г. существовало 159 региональных торговых соглашений, причем 19 из них были заключены в 2001 г.

Степень воздействия глобальных тенденций столь сильна, что мы с вами уже являемся частью той мир-системы, которую И. Валлерстайн называл “капиталистической мир-экономикой”. Причем мы находимся далеко от “центра” этой системы, занимая нишу где-то между периферией и периферией. Иммануил Валлерстайн предупреждает нас: «Лично я считаю, что все хорошие места в “ядре” современной мир-экономики давно заняты. Это не просто печально, это самое слабое ме-

сто капитализма как исторической системы. Всем в какой-то момент захотелось переместиться ближе к ее центру, но это невозможно. Капитализм погибнет, скорее всего, не оттого, что какие-то группы людей (скажем, пролетарии) не захотят жить при этом строе, но, напротив, потому, что слишком многие захотят жить при капитализме. Естественно, таком, какой исторически всегда был привилегией Запада, – с рынком, демократией, эффективным государством»¹.

Особенность нынешней исторической ситуации заключается в том, что развитые страны Запада, перешагнувшие порог постиндустриальной цивилизации, монополизировали “центр” и, наращивая темпы производства информационных технологий, уходят далеко вперед в своем развитии, все больше увеличивая дистанцию разрыва с остальными странами. Предсказание крупнейшего американского политолога Маршалла Голдмана, что “XXI столетие – это век не развивающихся, а развитых стран”, по-видимому, сбывается. Дело в том, что мировой экономический порядок, сердцевиной которого является неолиберальная концепция, отдает все преимущества развитым странам. В международной конкурентной борьбе развивающиеся страны проигрывают.

И, как это ни парадоксально, только разрушительная сила двух последних обрушившихся мировых экономических кризисов (1997–1998 гг. и 2008–2011 гг.) становится барьером на пути победоносного шествия развитого мира. “Если речь идет о тех производствах, – справедливо замечает российский экономист В.В. Соколов, – продукция которых может успешно конкурировать на внешнем рынке или хотя бы на внутреннем при отсутствии прямых и косвенных препятствий для импорта, то ни в одной развитой стране нет хозяйствующих субъектов, способных выдержать испытания этим стандартом. Таким образом, – делает вывод В.В. Соколов, – условием эффективности национальной экономики является не соответствие каждого предприятия абстрактным универсальным критериям конкурентоспособности, а установление оптимальной формулы взаимодействия между этими предприятиями, а также между внутренним и внешним рынком”².

В чем состоит привилегированное положение развитых стран? В “капиталистической мир-экономике”, на ее постиндустриальной фазе разви-

¹ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика. 1500–2010 / И. Валлерстайн // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 40–41.

² См.: Соколов В. Национальные экономические интересы: выработка консенсуса / В. Соколов // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 3. С. 14.

тия, возникает и развивается теснейшее переплетение между тремя сферами-трендами производства: “производства вещей” (в марксистской терминологии – “производство средств производства” и “производство средств потребления”); “производство знаний (информации)”); “производство человеческих способностей”. Как показывает опыт США, Японии и других развитых стран, основной вектор современной конкуренции лежит в области динамично меняющихся преимуществ, основанных на научно-технологических достижениях и инновациях. В данной связи вспоминается классическая формула И.А. Шумпетера: “Капитализм по самой своей сути – это форма или метод экономических изменений, в основе которых лежат инновации, непрерывно революционизирующие экономическую структуру изнутри”¹.

В сложившихся условиях сами постиндустриальные страны все более явно обособливаются от других государств и народов. Известный ученый В.Л. Иноземцев отмечает, что с середины 1960-х гг., когда в экономиках указанных стран начали зримо проявляться постиндустриальные тенденции, торговые и инвестиционные потоки стали замыкаться в границах так называемого первого мира². Отсюда вытекают два важнейших следствия, соответствующие двум сторонам процесса формирования однополюсного мира. Прежде всего, становится очевидным, что самым результативным оказывается взаимодействие стран, составляющих постиндустриальную цивилизацию, друг с другом, а не с государствами, находящимися на более низкой ступени хозяйственного развития; таким образом, постиндустриальный мир начинает замыкаться в собственных границах. Второе следствие состоит в том, что большинство государств планеты оказывается во все более серьезной зависимости от постиндустриального мира как поставщика новых технологий и информации; сориентированные в 1980-е и 1990-е гг. на рост своего промышленного и экспортного потенциала такие государства остаются производителями массовой индустриальной продукции или сырья, не создавая новых технологий и информации, что обуславливает устойчивый рост неравенств в международном масштабе.

В такой глобальной обстановке, естественно, лишь объединение в экономические регионы и блоки может обеспечить завоевание собственного и чужого рынка для той продукции, которая

производится своими товаропроизводителями. Создание таких блоков, в частности, на евразийском экономическом пространстве отдало бы огромный регион и необходимый рынок сбыта в распоряжение стран с более слабой экономикой, что им жизненно необходимо для создания “критической массы” производства и продаж, в которых они остро нуждаются, для того чтобы стать конкурентноспособными. Регионализм создает основу взаимодействия стран. А взаимодействие – это единственная торговая политика, которая может быть эффективной в мировой экономике с сопернической торговлей.

Некоторые политики на постсоветском пространстве считают, что процесс реинтеграции, т. е. образование единого экономического пространства постсоветских стран, не достигает цели, потому что не хватает в достаточной мере политической воли лидеров СНГ. На самом деле это не так. Распад СССР и образование СНГ означал дезинтеграцию единого народнохозяйственного комплекса на раздробленные национальные фрагменты. И этот процесс продолжается до сих пор. Создание полноценного национального рынка, консолидирующего путем укрепления экономических связей все регионы страны в одну целостность, невозможно реализовать без доминирования внутреннего взаимодействия над внешними.

Так что инерция дезинтеграции по-прежнему продолжает действовать. Сколько со времени образования СНГ было встреч лидеров наших стран в попытках сколотить то общую экономическую зону, то таможенный союз, то единый рынок? Как видим, реально, по-настоящему такие программы пока еще не заработали. И возникает естественный вопрос: в этих условиях возможно ли совместить дез- и реинтеграцию постсоветских государств? Возможно ли одновременно двигаться и вперед, и назад? Не станут ли предпринимаемые усилия очередными благими намерениями?

Однако тем и интересен европейский опыт, что его надо знать, но не обязательно самим проходить. Бег современной жизни стремителен. За одно поколение в современном мире происходит столько изменений, сколько происходило за десять поколений в прошлые времена. К тому же, в отличие от европейских народов, у нас был исторически ценный опыт проживания в единой советской стране.

Разумеется, нельзя в одно и то же время идти вперед и назад. Но, мы думаем, совместить во времени процессы ре- и дезинтеграции вполне возможно. При этом важно, чтобы “критическая масса” реинтеграционных тенденций определяла и направляла характер точек проявления дезин-

¹ Шумпетер И.А. Капитализм, социализм и демократия / И.А. Шумпетер. М., 1995. С. 126.

² Иноземцев В.Л. Технологический прогресс и социальная поляризация в XXI столетии / В.Л. Иноземцев // Полис. 2000. № 6. С. 29.

теграции. Как показывает современная жизнь, процессы дезинтеграции стран СНГ в последнее время достигли определенного “предела насыщения”. Что же, как известно, вслед за отливом следует прилив. По всему заметно, сколь повысилась заинтересованность стран СНГ к сотрудничеству и образованию совместных экономических институтов. Реалии формирующегося Евразийского экономического союза укрепляют надежду, но вместе с этим возникает масса вопросов.

Итак, *положительные стороны глобализации*: бурный технологический рост; рост количества

и качества потребляемой продукции; появление новых рабочих мест; свободный доступ к информации; улучшение и повышение уровня жизни; улучшение взаимопонимания между различными культурами.

Отрицательные стороны глобализации: нестабильность развития экономик многих стран; увеличение разрыва в социально-экономическом развитии между странами; расслоение общества; рост влияния ТНК; возросшие масштабы миграции; обострение глобальных проблем; внедрение массовой культуры, потеря самобытности стран.